

- *Современные концепции либеральной демократической политики и их позитивные альтернативы: этика дискурса (Ю. Хабермас) и постмарксизм (Ш. Муфф и Э. Лакло)*

УДК 008:124.5

Современные концепции либеральной демократической политики и их позитивные альтернативы: этика дискурса (Ю. Хабермас) и постмарксизм (Ш. Муфф и Э. Лакло)

В. А. Поликарпов, кандидат психологических наук, доцент

С. В. Поликарпова, научный сотрудник

В статье рассматриваются концепции либеральной демократии Р. Дворкина и Дж. Ролза и их критика с позиций Ю. Хабермаса и постмарксистов.

Modern concepts of liberal democratic politics and their positive alternatives: ethics of a discourse (J. Habermas) and postmarxism (Ch. Mouffe and E. Laclau)

V. Polikarpov, PhD in Psychology, Associate Professor

S. Polikarpova, researcher

The concepts of liberal democracy of R. Dvorkin and John Rawls and their critics from J. Habermas's positions and postmarxists are analyzed in the article.

Основным предметом анализа в представленных ниже концепциях является социальная справедливость. Нет однозначного понимания социальной справедливости. К ней всегда апеллируют представители различных социальных групп, чтобы выразить и оправдать свои, часто противоположные, требования и интересы. Представление о социальной справедливости изменялось с развитием общества. Идеи о естественном равенстве как справедливом состоянии общества с античных времен соседствовали с попытками представить социальное неравенство как воплощение справедливости.

В соответствии с принципами демократического общества социальная справедливость современного включает:

- равенство граждан перед законом;
- фактическое равноправие этносов;
- отсутствие дискриминации по половому, расовому принципу, принадлежности к религиозной конфессии и политическим убеждениям;
- широкие социальные гарантии: обеспеченность работой, доступность образования, культурных благ, медицинского обслуживания и жилья;

Принцип социальной справедливости обосновывается идеологически в программах политических партий и движений и представлен в истории в трех основных своих типах.

1. Консервативном, для которого характерно:
 - уменьшение роли государства в регулировании экономической и социальной сфер;
 - сокращение социальных программ;
 - поощрение деятельности негосударственных организаций (фондов, организаций, страховых компаний).
2. Либеральном, главные черты которого:
 - умеренное вмешательство государства в социальную сферу;
 - умеренное государственное регулирование потребительского спроса;
 - расширение сферы действия трудового права;
 - расширение системы социального страхования;
 - государственное регулирование рынка труда.
3. Социалистическом, для которого характерны:
 - монополия государства в реализации всех направлений социальной и экономической политики;
 - стремление к максимальной социальной защите всех групп населения.

вора, а соответствуют уровню развития общества и его социокультурным особенностям.

Описание представлений о демократической политике современных либеральных теоретиков (Р. Дворкин, Дж. Ролз)

Современные «новые либералы» отошли от классической концепции либерализма в сторону значительной роли государства как в экономической, так и в собственно социальной сферах жизни. Для неолиберальных политиков характерен протест против экономического роста ради самого роста и неприятие концентрации власти, ибо традиционно либералы выступали против роста крупного предпринимательства и поддерживали политическое равенство. Либеральные идеи поддерживают прежде всего представители малого и среднего бизнеса. Они требуют максимальной свободы, отсутствия жесткого контроля государства. Крупный бизнес, как правило, сливается с властью, что показывает практика не только в США, но и в России.

Неолиберальные модели государственной политики в развитых экономически странах доминируют. По этому поводу Р. Дворкин пишет: «История воспринимается как война между идеологиями, которая закончилась победой либерализма» [1]. Хотя «ортодоксального» либерализма, как и «ортодоксального» консерватизма, сейчас нет. Можно говорить о «либеральной позиции» политика. Только дискуссии по экономической справедливости и национальной обороне легко обнаруживают принадлежность политиков к либеральной и консервативной партиям.

Либералы традиционно отстаивали большее экономическое равенство, интернационализм, свободу слова и были против цензуры, защищали равенство между расами и осуждали сегрегацию, выступали за решительное отделение церкви от государства, за большую процессуальную защиту тех, кого обвиняют в преступлении, за декриминализацию нарушений нравственных норм, в особенности нарушений, связанных с наркотиками и сексом, при условии, что они совершаются с обоюдного согласия и касаются только взрослых, и, наконец, за энергичное использование центральной правительственной власти в решении всех этих задач. Эти задачи составили, по известному выражению, «общие дела» либералов, и сподвижников этих дел можно было легко отличить от приверженцев другой большой политической партии, которую принято называть «консервативной». Консерваторы, как правило, придержи-

верженцы традиций. Либералы — их ниспровергатели.

Либеральная доктрина требует наличия *свободы* и *самоуправления в условиях равенства*. Хотя идеалы свободы не всегда совсем соответствуют идеям равенства. Широко распространено убеждение, что настоящей свободы можно достичь только через отказ от равенства как социальной цели. Распространению такого убеждения способствовало то, что коммунистическая идеология была основана на проповеди эгалитаризма (всеобщего равенства). Однако тот факт, что люди имели одинаковое богатство (были одинаково бедны) независимо от трудового вклада, равенством назвать трудно. Социализм, с точки зрения Р. Дворкина, это эгалитаризм на распределительном уровне. А мотивационный эгалитаризм предполагает экономическое неравенство и отказывается от грубых форм распределительного равенства.

Достаточно распространено также представление о противостоянии *свободы* и принадлежности к *сообществу*. Однако Р. Дворкин пишет, что ценности «свобода» и «сообщество» в сознательном либерализме не конфликтуют, а дополняют друг друга. Люди интегрированы в сообщества, успехи и неудачи которых отражаются на успехах и неудачах собственной жизни. Консерваторы и радикалы обосновывают принадлежность к сообществу стремлением к хорошей жизни. Либерализм поощряет интеграцию в политических сообществах. Р. Дворкин пишет о том, что существует *два типа коллективного действия: статистический и общественный* и, соответственно, две концепции демократии. Статистическим можно назвать действие, когда действие в сообществе — только выполнение функций (функциональное действие). Общественное действие совершается членом сообщества, который осознает себя его «моральным агентом». Р. Дворкин пишет о трех признаках настоящего сообщества: участии, судьбе и независимости.

В основе либерализма лежит идея *этического индивидуализма* — каждый отдельный человек должен быть способен распоряжаться и распоряжается своей судьбой. Вообще либерализм — это прежде всего система ценностей, которая опирается на «этический индивидуализм» (термин Р. Дворкина) и отвергает не столько экономический, сколько «моральный социализм». Либерализм основное внимание уделяет ресурсам развития, а не недостатку. Настоящее экономическое равенство можно обеспечить тогда, когда люди будут иметь первоначальные финансовые ресурсы и ни один из членов сообщества не будет завидовать набору ресур-

ресурсах и фортуны. Должны быть разработаны методы компенсации через систему налогов, перераспределение, деятельность фондов и страхование.

В рамках неолиберальных теорий большое внимание уделяется анализу взаимодействия справедливости, равенства и свободы. Дж. Ролз попытался создать концепцию (теорию) справедливости с позиций неолиберала, описав свое понимание роли справедливости, субъекта справедливости, основные положения теории, принципы справедливости, роль социальных институтов в формировании и поддержке формальной справедливости [2].

Дж. Ролз пишет об *интуитивном убеждении в первичной справедливости*, существующей у членов современного общества (рационально не обосновываем, но чувствуем), конечно, имея в виду развитую европейскую демократию. Основные компоненты такого интуитивного убеждения следующие.

1. Справедливость — это первая добродетель общественных институтов.

2. В справедливом обществе должны быть установлены свободы граждан, а права, гарантируемые справедливостью, не должны быть предметом политического торга.

3. Несправедливость терпима только тогда, когда необходимо избежать еще большей несправедливости.

Общество представляет собой предприятие во имя взаимной выгоды, однако для него характерны конфликты интересов, как, впрочем, и их совпадение. Необходимо обосновать принципы социальной справедливости, которые обеспечивали бы способ соблюдения прав и обязанностей основными институтами общества, а также определяли распределение выгод и тягот социальной кооперации. Общество упорядоченное предназначено не только для обеспечения блага своим членам, но и для эффективного регулирования общественной концепции справедливости. Это общество, в котором (1) каждый принимает и знает, что другие принимают те же самые принципы справедливости, и (2) базисные социальные институты удовлетворяют этим принципам. Институты справедливости, когда между людьми не делается произвольных различий в отношении основных прав и обязанностей и когда правила определяют надлежащий баланс между конкурирующими притязаниями на преимущества общественной жизни.

Главный субъект справедливости — базисная структура общества, или, более точно, способы, которыми основные социальные институты распределяют фундаментальные права и обязанности

мы существенно зависит от того, как приписываются фундаментальные права и обязанности, а также от экономических возможностей и социальных условий в различных слоях общества.

Концепция справедливости Дж. Ролза, как он сам же и подчеркивает, — современная интерпретация *теории общественного договора*. Принципы справедливости для базисной структуры общества являются объектами исходного соглашения. Эти принципы должны регулировать все остальные соглашения; они специфицируют виды социальной кооперации, которые могут возникнуть, и формы правления, которые могут быть установлены. Свой способ рассмотрения принципов справедливости Дж. Ролз называет «*справедливость как честность*». Общество, удовлетворяющее принципам справедливости как честности, приближается к идеалу общества, потому что оно основано на принципах, которые свободные и равные личности должны принять при *справедливых обстоятельствах*. В этом смысле его члены *автономны*, и осознаваемые ими обязательства налагаются *добровольно*.

Принципы справедливости для институтов отличны от принципов для индивидов (последние тоже обоснованы автором). Справедливость как честность — это не полностью договорная теория. Поскольку договориться должны люди, поставленные в некоторые обстоятельства, ситуацию выбора типа справедливости тоже необходимо анализировать. Это связывает теорию справедливости с теорией рационального выбора.

Первичным *субъектом* принципов социальной справедливости является *базисная структура общества*, т. е. *устройство главных социальных институтов* в рамках одной схемы кооперации (в идеале — институты конституционной демократии). Принципы должны определять приписывание прав и обязанностей в этих институтах, и они же должны определять подходящее распределение выгод и тягот социальной жизни. Со следующим утверждением Дж. Ролза трудно согласиться при критическом отношении к системе социальных институтов. Оно звучит следующим образом. Самое лучшее — считать справедливым или несправедливым реализованный институт, эффективно и беспристрастно управляемый. То есть он призывает исходить из реальности (из сущего, а не должного) — не создавать моделей (абстрактных моделей) успешно функционирующих институтов, а брать то, что есть (реализованные институты), анализировать их действие с точки зрения реализации справедливости как честности («принципы

к приписыва-
язанности, а
стей и соци-
бщества.

Ролз, как он
ая интерпре-
а. Принципы
уры общества
лашения. Эти
се остальные
иды социаль-
пнуть, и фор-
установлены.
пов справед-
дливость как
щее принци-
приближается
основано на
авные лично-
ивых обстоя-
автономны, и
лагаются до-

институтов от-
в (последние
дливость как
рная теория.
юди, постав-
а, ситуацию
необходимо
ую справедли-
ра.

з социальной
руктура об-
циальных ин-
операции (в
ой демокра-
приписыва-
итутах, и они
спределение
о следующим
паситься при
социальных
образом. Са-
или неспра-
эффективно и
ть он призы-
о, а не долж-
ктивных моде-
институтов, а
институты), и
ления реали-
(«принципы

или справедливость как правильность (regularity), исключает серьезные случаи несправедливости, формальная справедливость в случае институтов законности есть просто аспект правления закона. Первое условие совершенной процедурной справедливости — наличие общегражданских свобод, зафиксированных в конституции. При любом политическом устройстве идеал справедливости недостижим, но общество, считает Дж. Ролз, должно обеспечить «квази-чистую» процедурную справедливость в рамках закона.

Дж. Ролз обосновывает *два основных принципа социальной справедливости*.

Первый принцип: каждый человек должен иметь равные права в отношении наиболее обширной схемы равных основных свобод, совместимых с подобными схемами свобод для других. Здесь подразумевается политическая свобода (право голосовать на выборах и занимать официальную должность), свобода слова и собраний; свобода совести и свобода мысли; свобода личности, включающая свободу от психологического подавления, физической угрозы и расчленения (целостность человека); право иметь личную собственность и свободу от произвольного ареста и задержания, как то определено правлением закона. Эти свободы должны быть равными, согласно первому принципу.

Второй принцип: социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы: (а) от них можно было бы разумно ожидать преимуществ для всех («преимущество для всех»), и (б) доступ к положениям (positions) и должностям был бы открыт всем («честное равенство возможностей»). Второй принцип применяется к распределению доходов (богатства) и к устройству организаций, которые используют различия во власти и ответственности. Распределение доходов и богатства не должно быть равным, но оно должно быть направлено на получение преимуществ всеми. «Честное равенство возможностей» предусматривает равенство шансов в приобретении культурного знания и возможностей продвижения, которые не должны зависеть от положения в социальной системе. «При некотором распределении природных дарований люди, имеющие один и тот же уровень таланта, способностей и одинаковое желание их использовать, должны иметь одинаковые перспективы успеха». Незаслуженные неравенства (происхождения, условий воспитания и др.) должны быть возмещены (компенсированы). Поэтому дополнительные ресурсы должны быть направлены на образование менее развитых групп.

свою роль так, как она определена правилами, если удовлетворяются два основных условия: 1) институты справедливы (соответствуют двум принципам справедливости); 2) человек добровольно принимает и пользуется предоставленными возможностями. *Принцип естественных обязанностей* — непричинение другому вреда и т. п.

В рамках либеральной концепции наряду с понятием «справедливость» всегда присутствует понятие «свобода». Любую свободу, считает Дж. Ролз, всегда можно объяснить с помощью указания на три вещи: свободно действующего субъекта, ограничений, от которых он свободен, и того, что он свободен делать. То есть свобода интересует автора концепции только в связи с конституционными и правовыми ограничениями. Она связана с определенной системой институтов и публичных правил. Например, свобода совести означает, что государство не может благоволить к какой-либо одной религии, и никакие санкции не могут быть связаны с принадлежностью к какой-либо религии. Принцип свободы в применении к политической процедуре, определяемый конституцией, — *принцип участия* («один выборщик — один голос», равный доступ к государственным должностям).

Второй принцип справедливости интерпретируется Дж. Ролзом в контексте доктрины политической экономии, где у него основным понятием выступает «общественное благо», основанное на концепции справедливости. Принцип «честного равенства возможностей» накладывает определенные ограничения на понятие блага (устанавливается приоритет справедливости над экономической эффективностью, приоритет свободы над социальными и экономическими преимуществами). Автор подчеркивает, что его интересуют лишь некоторые моральные проблемы политической экономии, т. е. элементы экономической теории вводятся исключительно для иллюстрации содержания принципов справедливости. Автор использует понятие «коллективное благо». С точки зрения этого блага рассматривается не только необходимость налогообложения, перераспределения доходов, но и коррекция производства. Коллективное благо не зависит от формы собственности: экономика, основанная на частной собственности, может выделять большую долю доходов на коллективные нужды, чем экономика, основанная на общественной собственности.

В соответствии с принципами «теории справедливости» производители и потребители принимают свободные решения, подчиняясь общеэконо-

ной жизни. Долевое распределение должно соответствовать моральной ценности в той степени, в которой это допустимо. Социальная система должна быть организована таким образом, чтобы итоговое распределение было справедливым, независимо от того, как сложатся дела. Необходимо поместить экономический процесс в окружение соответствующих политических и правовых институтов: справедливой конституции, справедливой процедуры политического процесса и регулируемых конкурентных рынков. (Интересно, как организовать регулируемую конкуренцию?). Справедливость требует ограничения потребления богатых, которые должны предпочитать личному потреблению инвестиции (как в Японии в соответствии с установкой общественного сознания «богатая Япония, бедный японец»). Но там другая социокультурная ситуация. А европеец привык, что надо максимально много произвести и максимально много потребить). Справедливость требует наличия социального минимума и трансфертов (безвозмездных социальных выплат), сохранения справедливости в долевом распределении (перераспределение с помощью налогообложения), установления «демократического режима», в котором землей и капиталом владеет значительное количество людей (нет сравнительно небольшой группы, контролирующей ресурсы).

Совершенно закономерно возникает вопрос: может ли «справедливая» экономика быть конкурентоспособной? Автор задает этот вопрос иначе: может ли конкурентная экономика, поддерживаемая соответствующими институтами, удовлетворять двум принципам справедливости? (У него ведь справедливость — самоцель.) Его ответ — да, потому что можно договориться о «справедливом» социальном минимуме гарантий и «справедливом» принципе накопления, в том числе и таком, когда предыдущее поколение вносит вклад в пользу последующего, а последующее помогает предыдущему, менее экономически удачливому. И вообще, справедливость — это счастье в соответствии с добродетелью.

Позитивные альтернативы либеральным социальным концепциям: этика дискурса (Хабермас) и постмарксизм (Муфф и Э. Лаклау)

По Дж. Ролзу, в обществе должна господствовать добродетель по договоренности, а договориться должны индивиды как субъекты права в рамках институциональных отношений. Ю. Хабермас обосновывает в рамках этики дискурса, что на политической арене противостоят друг другу не рациональные индивиды, а коллективные акторы, которые спорят о коллективных целях и

ответственно, необходимо обеспечить признание прав «коллективных тождественностей» — гендерных, этнических, религиозных (кроме фундаменталистских), политических и др. — на равноправии культурных форм жизни.

Либеральное понимание демократических прав коллективных прав не предусматривает. Это отмечается также Тэйлором: «Обеспечение коллективных тождественностей вступает в конкуренцию с правом на равные субъективные свободы. Либералы (Дж. Ролз, Р. Дворкин) требуют этически нейтрального правопорядка, который каждому должен обеспечить равенство шансов. Тэйлор, Уолцер, с которыми в последующем соглашается Хабермас, не признают за правом этической нейтральности и беспристрастности. Тэйлор предлагает ограничивать права ради выживания подвергающихся опасности культурных форм жизни. Приводится пример канадской провинции Квебек, в которой франкоговорящая культурная общность в целях собственного существования инициирует запреты на посещение детьми классов с английским языком и общение на английском на предприятиях.

Под либерализмом Тейлор понимает теорию, согласно которой всем носителям прав гарантируются равные субъективные свободы, носителям прав приписывается *интерсубъективная тождественность*. Реализуя юридическое равенство, предполагаемые пользователи прав ограничиваются в пространстве автономной организации жизни. Реализуясь в гражданских правах, субъект может быть ограничен в реализации культурной, этнической, религиозной, гендерной автономии. Например, либеральная политика предполагает развести обладание статусом и гендерный статус и тождественность, гарантировать женщинам безразличное равенство шансов в соревновании за рабочие места, социальный авторитет, получение образования и политическую власть. Но это уравнивание отчетливее проявляет фактическое неравенство женщин, даже при условии компенсаций в либеральном законодательстве. Чрезмерная общность классифицирования ущемляющих гендерных ситуаций (с целью их компенсации) в законодательстве оборачивается новой дискриминацией для женщин. Различие жизненных ситуаций и опыта, характерных для пола, неадекватным образом учитывается в законодательстве.

Таким образом, либеральная трактовка системы прав исходит из абстрактного выравнивания различий, как культурных, так и социальных (а их необходимо усиливать и подчеркивать). Либерально-демократическое законодательство не склонно признавать культурную, этническую и иную тож-

тифицирует себя с субъектами либерального права, а предпочитает иную идентификацию, которая должна быть закреплена в их правовом статусе. Современное же право формально, принудительно (санкционировано государством) распространяется на легальный (поощряемый) образ действий и процедурополагаемо (легитимизируется с помощью демократических процедур).

Ю. Хабермас рассматривает две модели демократии. Для первой характерно либеральное требование этической нейтральности права: государство, помимо обеспечения гражданских свобод, благополучия и безопасности, не имеет иных коллективных целей. Вторая модель: государство, по-

мимо обеспечения прав и благосостояния, будет выступать за выживание нации, культуры, религии. В последней модели предусматривается реализация коллективных целей и тождественностей. Учет этих целей не может разрушить структуру права и уничтожить правовую форму государства как таковую. Хабермас рассматривает две нормативные модели демократии: республиканскую (в основе своей консервативную), демократическую (либеральную) и обосновывает третью — делиберативную. Анализ моделей идет по трем основаниям: 1) концепт гражданина права; 2) понятие права; 3) природа политического процесса и формирования политической воли граждан.

В рамках республиканской (США) трактовки демократии	В рамках демократической (США) трактовки демократии
<i>Концепт гражданина</i>	
Граждане — ассоциация свободных и равных носителей прав. Права граждан — прежде всего политические <i>позитивные</i> свободы: они гарантируют свободу не от внешнего принуждения, а <i>свободу участия</i> в общественной практике. Обеспечивается институционализация публичной свободы	Статус гражданина определяется мерой субъективных прав и <i>негативных свобод</i> (гарантирующих свободу от чего-либо), обеспечения <i>гарантий</i> и <i>социальной защиты</i>
<i>Понятие права</i>	
Субъективные права обязаны наличием <i>объективного порядка</i> , который гарантирует целостность равноправной, автономной и основанной на взаимном уважении совместной жизни. <i>Порядок — нечто существующее до прав и обуславливающее право.</i> Первенство отдается <i>объективно-правовому</i> содержанию порядка. Общественное благо состоит в успешном осуществлении политических попыток определить, учредить, привести в исполнение ряд прав, которые <i>лучше всего согласуются с условиями и обычаями</i> сообщества	Смысл правопорядка в том, что в каждом конкретном случае он позволяет установить, какие права принадлежат тем или иным индивидам. Порядок констатируется исходя из субъективных прав. Основанные на принятых законах права дают возможность обуздания властей и обеспечения реализации плюралистических интересов
<i>Природа политического процесса</i>	
Формирование власти как политической воли в публичной сфере подчиняется не структуре рыночных процессов, но самобытной структуре <i>публичной коммуникации, ориентированной на достижение взаимопонимания</i> : главное не то, кто больше голосов привлек или выгоднее «продал» свою программу, а диалог, понимание, присоединение к точке зрения (сколько согласны со мной). С этой точки зрения между <i>коммуникативной властью</i> , которая в виде формируемого в дискурсе мнения большинства возникает из политической коммуникации, и административной властью, которая принадлежит бюрократическому аппарату, существует структурное различие. Имеет место <i>делиберативность</i> , т. е. принятие установок, направленной на социальное сотрудничество, <i>готовности внимать разумным доводам в</i>	Политика — это борьба за обладание административной властью. Граждане (избиратели), оценивая программы, выражают свои предпочтения и лицензируют доступ к властным позициям. Результаты выборов — это лицензия на принятие власти. Правительство обязано оправдывать употребление власти перед народом и парламентом. Исходящая от народа власть осуществляется при помощи органов (законодательных, исполнительных и судопроизводства)

В рамках республиканской (США) трактовки демократии	В рамках демократической (США) трактовки демократии
Результат выборов — <i>демократическое формирование воли</i>. Они конституируют общество как политическое целое. Народ является носителем суверенитета, который, в принципе, не может быть делегирован. В своем качестве суверена народ не может допустить своего замещения. Власть основана на практике самоопределения граждан, а не их представителей	
<i>Формирование общественной и политической воли</i> Демократическому формированию политической воли надлежит осуществляться в форме <i>этического самосогласия при наличии фонового консенсуса</i> граждан, который возобновляется в ритуализированном воспоминании (ритуалы обязательны). Эта демократическая процедура предполагает <i>дискурсы самосогласия и справедливости</i>. Теория дискурса учитывает более высокую степень интерсубъективности процессов взаимопонимания, которые осуществляются в основном в сети коммуникации политической общественности. Эти коммуникации образуют арену, где происходит формирование общественного мнения и общественной воли по поводу значимых для всего общества дел. Такое формирование общественного мнения выливается в институализированные в виде выборов решения и в законодательные постановления, за счет которых <i>коммуникативно созданная власть трансформируется во власть административную</i>. Результаты выборов — демократическое формирование воли. Они конституируют общество как политическое целое	
	Процесс формирования общественной и политической воли осуществляется исключительно в форме <i>компромисса интересов</i>. Правила формирования компромисса обеспечиваются честностью подсчета результатов, всеобщностью и равенством избирательного права, представительностью состава претендующих на власть и т. д. и обосновываются либеральными принципами государственного строя. Функция демократического формирования политической воли состоит исключительно в легитимировании осуществления политической власти. Результаты выборов — лицензия на принятие власти

Преимущества республиканской модели демократии Ю. Хабермас видит в том, что она придерживается рационального демократического смысла самоорганизации общества путем объединения граждан в ходе коммуникации и не сводит коллективные цели к заключению «сделки». Недостаток — она слишком идеалистична и ставит демократический процесс в зависимость от добродетелей граждан и их ориентации на всеобщее благо.

Ю. Хабермас обосновывает необходимость делиберативной политики в современном обществе. В ней совместная воля образуется не только на пути (1) этического самосогласия (у нас бы сказали «правды»), но также за счет (2) уравнивания интересов, (3) достижения компромисса, (4) целерационального выбора средств, (5) морального обоснования (снова «правда»), (6) проверки на юридическую связность. Либеративная политика — диалогическая, делиберативная — инструментальная.

Таким образом, делиберативная модель демо-

мократии («стража экономического сообщества»), но и республиканской концепции демократии (государства как нравственной общности). Делиберативная среда предоставляет возможность для добросовестного обмена мнениями. Спор мнений, вынесенный на политическую арену, обладает легитимирующей силой не только в смысле предоставления доступа к властным позициям, но и как последовательно проводимый политический дискурс.

Встречается и более радикальная критика либеральной демократии, чем у Ю. Хабермаса. Так Ш. Муфф, используя критическую аргументацию К. Шмитта по поводу либеральной демократии, рассмотрела ее недостатки и необоснованные претензии. Она опровергает тезис о том, что в эпоху глобализации гражданство (следовательно, демократия) не может ограничиться национальными государствами и должно быть «космополитическим». Национальные государства — необходимые

окончание табл.

ША)

ной и политиче-
ельно в форме
ирования ком-
подсчета резуль-
избирательного
етендующих на
альными прин-
ования полити-
в легитимирова-
сти.
ринятие власти

ского сообще-
епции демокра-
той общности).
ет возможность
ями. Спор мне-
арену, облада-
ько в смысле
м позициям, но
й политический

я критика либе-
Кабермаса. Так,
о аргументацию
ой демократии,
снованные пре-
ом, что в эпоху
ательно, демо-
ациональными
космополитиче-
— необходимый

примы», не относящиеся к народу). Идея равенства, которая имеет место в либеральном индивидуализме, представляет собой неполитическую форму равенства (этическую, гуманитарную, абстрактную), а не реальную, которая предполагает учет объективно существующего неравенства. Либеральный демократизм исходит из однородной идентичности и тем самым отрицает возможность реальной демократии. Таким образом, существует две идеи равенства: либеральная (каждый заведомо равен любому) и демократическая — равенства граждан, тех, кто принадлежит «народу». Невозможно осуществить «космополитическую» демократию. Если бы она осуществилась, то это было бы, пишет Ш. Муфф, уничтожением демократических форм правления и триумфом либеральной формы рационального правления.

Оценка преимуществ и недостатков социальных концепций радикальной демократии

В критической оценке либерально-демократической теории имеет место интересная и последовательная аргументация. Безусловно, либерально-демократическая теория слишком абстрактна и неприменима в конкретных государственных устройствах, хотя она претендует на всеобщность, как, впрочем, и любая теория. Она не учитывает социокультурные особенности сообществ. В любом восточном сообществе граждане не поймут, почему 47 % из них должны думать и действовать так, как решили остальные 53 %. Там обязательно необходим консенсус.

Граждане — не абстрактные носители прав, а носители идеологий (социальных мифов с соответствующей идентификацией). Признаки коллективной тождественности, значение которых в демократическом консенсусе подчеркивается во многих критических теориях, имеют большое значение в организации жизни в условиях реальных демократий.

Основным недостатком социальных концепций радикальной демократии является то, что они сформировались во многом за счет критики либерально-демократической теории и концептуально не разработаны в такой же степени, как объект их критики. Авторы, представители данных концепций, аргументированно подвергают сомнению выводы и социальную практику либерализма, но в целом, предлагая оригинальные идеи, не выдвигают непротиворечивых цельных теорий.

Список цитированных источников

1. Дворкин, Р. Либерализм / Рональд Дворкин // Газета интеллектуального сообщества Беларуси. — 2008. — 5 сент.
2. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. — Новосибирск, 1995.
3. Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Юрген Хабермас. — М., 2001.
4. Муфф, Ш. К агонистической модели демократии / Шанталь Муфф // Логос. — 2004. — № 2 (42).
5. Муфф, Ш. Карл Шмитт и парадокс либеральной демократии / Шанталь Муфф // Логос. — 2004. — № 6 (45).

Дата поступления статьи в редакцию: 08.02.2009 г.